

УДК 911.3+304.2

ЗАБРОШЕННЫЕ ОБЪЕКТЫ В КУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ ГОРОДА: СМЫСЛЫ И ПРАКТИКИ

© 2025 г. О. А. Лавренова*

ИНИОН РАН, Москва, Россия

*e-mail: olgalavr@mail.ru

Поступила в редакцию 03.04.2025 г.

После доработки 14.08.2025 г.

Принята к публикации 26.08.2025 г.

Заброшенные строения (“заброшки”), как элементы культурного ландшафта, представляют собой объекты с особым семантическим статусом, которые несут в себе следы памяти о своей бывшей функциональности и о социальных изменениях, сформировавших эти “вымороченные” места. “Заброшки” выступают маркерами социальных проблем и трансформаций. Они становятся местами “коллективной ностальгии” и альтернативной историчности, противопоставленной официальным нарративам. В статье рассматриваются смыслы заброшенных объектов в бытии и структуре культурного ландшафта, обусловленные новыми культурными практиками, возникающими вокруг “заброшек” стихийно или организованно. Их изучение позволяет глубже понять роль “опасных” пространств в культуре и возможности их легальной ре-интеграции в социум. Анализ типов культурных практик в заброшенных зданиях позволяет выделить несколько ключевых направлений, отражающих тренды трансформации структуры современного культурного ландшафта. Рассматриваются неформальные способы взаимодействия с заброшенными пространствами: от движения “городских исследователей” (Urbex), мистических культов, стрит-арта до временных культурных инициатив (фестивали, перформансы). “Заброшки” — это динамичные объекты, в которых пересекаются память об их бывшей функциональности, творческая самоорганизация культурных групп и социальные конфликты. Они обладают онтологической двойственностью — смыслами умирания и забвения, и “точкой роста” для формирования специфических субкультур.

Ключевые слова: заброшенные строения, культурный ландшафт, обжитое и покинутое пространство, культурные практики, смыслы места, ревитализация

DOI: 10.7868/S2658697525050115

ВВЕДЕНИЕ

В дни моей туманной юности, когда мне было лет 11–12, соседний дом расселили. Это была обычная блочная пятиэтажка, которая быстро обезлюдела, но ее долго не сносили, и она стояла, печально глядя на окрестные дворы уже пустыми оконными провалами. О, какое это было притягательное место для всех окрестных детей и подростков! Во время летних каникул мы проводили там целые дни, устраивая свои “базы”, отыскивали среди брошенных вещей какие-то интересные для нас штучки (журналы, пуговицы, рамки для фотографий и т.п.). При этом даже в относительно безопасное советское время, когда никто из родителей не задумы-

вался, где проводит весь день его ребенок, мы четко соблюдали дистанцию внутри дома: одна компания детей старалась не пересекаться с другой, и уж тем более с редкими взрослыми посетителями этого ценного для всех “игрового полигона”. Едва слышав вдалеке шаги или голоса, мы меняли маршрут, старались укрыться или покинуть площадку. Это было “опасное место”, где опасность таилась не столько в полуразрушенных лестницах и разбитых окнах, сколько в неожиданной встрече с себе подобными. И это изменение поведения было негласным, но всеобщим, мы кожей чувствовали необходимость особых правил игры. С тех пор феномен маргинальных пространств — мест,

где меняются правила игры — остался для меня темой неизменного интереса.

Заброшенные строения, такие как покинутые жилые дома, заводы, больницы, церкви или военные объекты, являются неотъемлемой частью культурного ландшафта. Они представляют собой не только материальные “останки” прошлого, но также символические маркеры, отражающие социальные, экономические и культурные изменения и — места новых культурных практик, в большинстве своем нелегальных, оживляющих и заново символизирующих недавно образовавшиеся пространственно-смысловые “пустоты”. Как писал Дэвид Харви — «пространство обретает смысл, только вовлекаясь в “значимые отношения”» (2018, с. 40), и “заброшки” (так в современных российских социальных и культурных практиках все чаще называют заброшенные объекты) — лучшее тому подтверждение, поскольку эти пространства не возникали намеренно, чтобы продуцировать социальные отношения, но они тем не менее, оказываются в них вовлечены со всеми вытекающими последствиями. И структура культурного ландшафта современного города уже не мыслится без знаковых и безымянных “заброшек”.

Здесь и далее будет использоваться преимущественно именно этот термин, хотя в научной литературе используются и другие — например, дичающие ландшафты (Семёнов-Тян-Шанский, 1928, с. 55–56), социально-девастированный ландшафт, интерстициальный ландшафт, анти-ландшафт (Тютюнник, 2022, с. 62). Достаточно распространен термин “городские руины” — как маркер социальной, а не только физической разрухи, но само слово “руины” все-таки относится больше к разрушенным зданиям, а “заброшки” наиболее востребованы в социуме именно в их “предруинном” состоянии, пока в них еще теплится память о жизни.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Изучение мест, которые были “забыты” социумом или становятся незаметными и ненужными в повседневном социальном пространстве (Mould, 2015), культурных практик и субкультур, связанных с ними, — уже достаточно узнаваемый тренд в современной науке. Руины и их философское и эстетическое осмысление интересуют мыслителей и ученых еще со времен эпохи Просвещения. Здесь надо сделать важное терминологическое замечание — “руины” в контексте русскоязычной традиции обычно ассоциируются с культурным наследием давно минувших эпох. Или со зданиями, разрушенными во время военных действий. “Заброшки” же — это относительно недавно опустевшие

строения, причем чаще всего достаточно хорошо сохранившиеся, если не считать разбитых стекол и разворванной внутренней отделки.

“Заброшки” как феномен культуры серьезно изучаются с конца 1990-х годов, и соответственно, уже существует достаточно большой корпус научной литературы. В современной науке особое внимание привлекают культурные практики “городских исследователей” (Urbex), которые сформировались в конце XX в. О них пишут географы, социо-антропологи и культурологи, причем “авторы в основном из Европы и Северной Америки — регионов, где деиндустриализация оставила свой самый заметный след” (Lesné, 2022).

Наиболее интересны в контексте изучения роли “заброшек” в культурном ландшафте **психолого-географическое** направление, которое предполагает как изучение “специфических воздействий географической среды, сознательно организованной или нет, на эмоции и поведение” (Debord, 1955), так и формирование психо-эмоциональных стереотипов и моделей поведения в определенных местах.

В контексте концепции культурного ландшафта “заброшки” рассматриваются как места “на краю”, как “лиминальное пространство” (Fraser, 2012), “маргинальное пространство” и даже как “гетеротопии”, согласно терминологии Фуко (2006). Некоторые исследователи называют их “последним фронтиром”, подразумевая не только окраинные, но и опасные свойства. Но это принципиально не верно, так как фронт — область соприкосновения неизведанного и недоместифицированного пространства с обжитым. Покинутое, заброшенное пространство — изъятое из обыденных социальных и культурных практик. Это совсем не то, что трактуется как дикое и неосвоенное пространство. Неосвоенное пространство находится за границами обжитого мира территориально, и является его природным контекстом, наполненным мифологическими смыслами, в рамках которых обжитое пространство становится укорененным и логичным. “Заброшки” принципиально отличаются от фронта по двум параметрам — во-первых, они в большинстве случаев территориально и ситуационно находятся в черте города и в пределах досягаемости, во-вторых, это места, имевшие свою историю и предназначение в городском социуме, доместифицированные ранее, но, подобно труп, обретшие свойства опасности из-за процессов разрушения их когда-то крепкой и функциональной “плоти”. При этом их социальная и культурная значимость, несмотря на это, не умирает, но трансформируется (Edensor,

2005a, 2005b, Edensor et al., 2012). Зброшенныя строення таксама изучаюцца як аб'екты даследавання гуманітарнай і культурнай геаграфіі ў гістарычнай перспектыве (Тютюннік, 2022), і як форма наследдзя, в том числе індустрыяльнага (Тютюннік, 2020), а таксама ў кантэксце колорыстычнай семантыкі культурнага ландшафта (Грыбер, 2024; Lavrenova, 2023).

Інтаресна, што спецыяльныя культурныя практыкі, звязаныя з зброшченымі строеннямі, характэрны ў асноўным для развітых краін, дзе праводзіцца, як правіла, чёткая разніца між рэгулярным і “іным” сацыяльнымі прастранствамі, дзе ёсць “неудовольстваренная тоска” (Зіммель, 2002) індывідуальнасці, узнікаючая пад давленнем агульнага. “Стерільнасць” і рэгулярнасць сацыяльнага прастранства гарадоў прыводзіць любіцеляў на пошук прыключенняў вна стабільнасці (Edensor, 2007). В краінах глабальнага Юга рабочыя кварталы, самадзельныя строення (дзіцішча псевдоўрбанізацыі) і “зброшкі” аднакова маргінальныя. Паэтыму астатнія не яўляюцца чым-то “іным” і спецыфічным, вызываючым інтарес і фарміруючым якія-то субкультуры.

Сацыялагічны і цывілізацыйны падыходы к изученню “зброшч” і звязаных з імі культурных практык, караняцца ў канцэпцыі Лефевра аб сацыяльным прадукцыі прастранства (Лефевр, 2015), а таксама ў папулярным на Западе неомарксізме; яны аналізуюць запустенне і практыкі Urbex і як язвы капіталізма (Харві, 2018), і як адну з фаз естэснага цыкла самаарганізацыі агульнаства ў прастранстве. А узнікненне новых сэнсав — як прадаўжэнне фазы распада і элімінавання з рэгулярнага сацыяльнага прастранства. С точки зрэння тэорыі цыклічнага развіцця сацыума нестабільнасць гарадоў адражае гэты працэс, і ў іх структуру “вшіта” тэндэнцыя к разрушэнню (Fassi, 2010). А разрушэнне прывялае “стервятнікаў”. І паасценне гэтых месц з разнымі цэлямі разглядваецца як “дэвіантная форма досуга” (Kindynis, 2019), якая вызывае сильныя эмоцыі і дае прывяртаецца ў нейкі “экстаз дэвіантнасці” (Bingham, 2020), адхіленне ад нармы.

Неомарксісцкія даследаванні ў рамках “крытычнага падыхода” прадстаўляюць Urbex як разрушаючую капіталісцкія ценнасці кантруктуру, ісподволь чэрез бунт вярстаючую павшую дэмакратыю. Працівопалажная точка зрэння сосцііт ў том, што гэты не бунт, а сздаанне і патребленне “хайпа” (Kindynis, 2017). І с па'яўленнем манетызаванні на відэахостінгах, куда заліваюцца відэа “гарадскіх

даследаванняў”, Urbex становіцца неаўтэемлемой часткай агульнаства патреблення, а самі “зброшкі” — полігонамі для атработкі кантэнта. Новая візуальная культура дакументалізацыі пранікновенняў ў запретныя і апасныя зоны і сздаання вокруг нях некаго пастанавочнага сюжэта, вклучае ў сабя “непрадвідзеныя абстатэлыства, слукайнасць, сімуляцыю, гедонізм, індывідуалізацыю, жэланне, падражанне, ностальгію і, вазмажна, самое глаўнае, фантазію” (Bingham, 2020, p. 41).

MEMENTO MORI

Онталагія зброшчэнных строенняў ў культуры можа быць разглядзена чэрез прызму філасофскіх канцэпцый, такіх як врэменнасць, памяць і утрата. Гэты аб'екты сущэствуюць ў пагранічным сосціянні між прошлым і настатнім, між жыццём і смерцю. Яны становяцца сімваламі утрачэннага врэмені, напамінаюць аб прэходзячэй прыродзе чалавеческай дэятэльнасці. “Зброшкі” яўляюцца яго неаўтэемлемой часткай, яны падобны адміраючым часткам дрэва. Напрымер, індустрыяльныя аб'екты, астаўшыся пасля упадка промышленнасці, становяцца сімваламі дэіндустріалізацыі і глабальных эканамічных змяненняў.

А сабствэнна бларадныя руіны могуць быць пераосмыслены як месца культурнага наследдзя, дзе прошлае встрэчаецца с настатнім. “Руіна як матэрыяльны аб'ект прэжде вэсего свідэтэльствуюць аб тэчэнні врэмені, аб утрате таго, што когда-то казалася неаўтэемлемой часткай настатняга. Вмэсте с тэм, еслі руіна уцэлела, то гэты значыць, што нейкі астаток прошлага астаўся ў сосвременнасці, пусть і ў сосціянні апрадэленага упадка, то ёсць ў змяненым, не падлінным відэ. Гаворыць лі тагда руіна аб устатывасці прошлага, аб яго нежеланні ухадзіць, аб яго цэпкасці вопрэкі натыску врэмені? Становіцца панятна, што руіна несэць двойную сэнсавую нагрукку, вызываючы парадоксальную мысль аднаврэменна аб утрате і аб сахраненні прошлага. <...> Руіна як зрелішча адносіцца к эстэтычнай катэгорыі вазвышэннага, равна как і вэе другыя яўленія, внушаючыя страх” (Шэнле, 2009).

“Зброшкі”, тот же символ разрушэння, еслі гаворыць аб яго візуалізацыі, іспользуюцца ў постапокаліптычэскіх фільмах, фарміруючы ў зреліцеляў ащущэнне пацеры і неконтроліруе-масці срэды. В ных нэт нічэго вазвышэннага, толькі утрата ілі вызавы.

Осноўнае свойства зброшчэнных месц і строенняў — то, што яны пацэраылі сваю ізначальную функцыянальнасць, прывярцівшыся ў астов, лішэнны сацыяльнай плоты, ў пустой

знак — место, лишенное прежних смыслов в семиотической структуре культурного ландшафта города. Некоторые из “заброшек” никогда не функционировали нормально — это остовы недостроенных зданий, своеобразные знаки “смерти на взлете” — свидетельства неисполненных грандиозных планов.

Исследователи говорят о “пространственной стигматизации” (Soederberg, 2017) — о местах с высокой концентрацией проблем, — и покинутые пространства становятся частью городских стигм, не потому что они пусты, а потому, что они наполняются маргинальными и специализированными социальными группами, и иной семантикой.

ДИХОТОМИЯ ОБЖИТОГО И “ПОКИНУТОГО” ПРОСТРАНСТВА

Заброшенные строения обретают новую жизнь в контексте города, функциональную, смысловую и концептуальную самостоятельность, в том числе приобретая новых относительно постоянных обитателей, и обрастая новыми социальными, культурными, религиозными практиками. При том, что различаются практики повседневности и неповседневности (Большаков, 2016), абсолютное большинство практик в “заброшках” неповседневные, специфичные — это диктуют сами объекты, находящиеся вне обыденного социокультурного пространства. Большинство культурных практик совершается “пришлыми” людьми — теми, кто принадлежит к обжитому пространству города. Но есть и сообщества, живущие или временно укрывающиеся здесь, и потому они, в отличие от “гостей”, обживают опустевшие здания, создавая свои повседневные практики.

Опасность этих мест может иметь разные причины, чаще всего проявляющиеся в различных комбинациях.

Во-первых, “заброшки” могут стать местами обитания диких животных или одичавших собак, способствуя созданию новых мифов о каких-нибудь собаках-людоедах или крысах-мутантах. В крупномасштабных зонах отчуждения, таких как Припять и вся чернобыльская зона в Украине, зона Фукусимы в Японии, происходило восстановление природных экосистем, но также параллельно развиваются мифы о чернобыльских животных-мутантах, которые охотятся на забредающих сюда людей. Также угроза радиоактивности — одна из возможных угроз загрязнения окружающей среды опасными веществами на остановленных и заброшенных промышленных производствах, таких как бывшие военные заводы.

Во-вторых, существует сугубо техническая опасность для посетителей из-за ветхости или разрушенности конструкций — возможность сорваться с высоты, провалиться в подвал и т.п. В Москве такими наиболее проблемными и с точки зрения маргинальных культурных практик, и с точки зрения опасности конструкций наиболее известны Ховринская заброшенная больница (ХЗБ) и “Синий зуб” (Деловой центр “Зенит”), последний считался очень опасным местом из-за открытых шахт и торчащей из стен арматуры. «Известны, как минимум, несколько смертельных несчастных случаев, произошедших в “Синем зубе”: молодые люди, желая поиграть в романтику, оступались и падали с большой высоты; другие намеренно приходили покончить с собой. Ранее рядом со зданием стоял подъемный кран, с него тоже прыгали» (Гречко, 2012). «На самом деле достоверно известно только об одном несчастном случае. Он произошел в 2008 году: пьяные молодые люди нашли открытую шахту лифта, один парень в нее провалился. Удивительно, но в тот же день подобный случай произошел и в Ховринской больнице. После этого охрану в недостроях усилили. Кампински говорит, что записи в интернете о гибели многих людей в “Синем зубе” — миф, какими неизбежно обрастают все известные долгострой»¹.

В-третьих, это места обитания маргиналов и преступников. Люди, выкинутые из обыденного социума, или сознательно вышедшие из него, очень часто не имеют своего жилья, и становятся бездомными. Места обитания бездомных в городе разнообразны (в зависимости от климата и законов) — обочины улиц, теплоцентрали, парки, мосты, кладбища... И одна из локаций обитания бездомных — заброшенные строения. Если обратиться к русской классике, то одним из первых художественных текстов (но явно опирающихся на наблюдения автора) об обитателях покинутых пространств является повесть В.Г. Короленко “Дети подземелья” (“В дурном обществе”) (1881–1884), где описывается заброшенный замок и полуразрушенная церковь, как места обитания всякого сброда и “благородных нищих”.

Практика вторичного заселения довольно распространена и по сей день, но не является мейнстримом и основной локацией для бездомных. Ограничивающим фактором становится климат (в умеренном климате в зимнее время жить в месте, отрезанном от коммуникаций,

¹ Дергачева А. “Синий зуб”: 25 лет пустоты, сталкеры и сицилийская мафия. Самую большую заброшку Москвы наконец достроят. <https://www.the-village.ru/village/city/in-the-house/376553-bluetooth> (дата обращения 24.03.2025).

довольно проблематично) и отдаленность от обжитых и людных мест (основного источника нелегальных доходов). Поэтому те, кто заселяются в заброшенных строениях, чаще всего — “маргиналы в квадрате”, старающиеся обустроиться подальше от регулярного социума, в том числе, чтобы скрыться от полиции. Другой вариант — когда в таких местах организуются своеобразные “офисы” преступных сообществ, которые становятся смысловым референтом этих мест и репрезентируют их вовне.

Эти места становятся “страшными” и реально опасными для “гостей извне” из-за возможности повстречаться с асоциальными людьми и преступными сообществами. Тут то и пересекаются два мира в одних и тех же локациях, выпавших из социума — те, кто, по сути, сходны с этими местами в своей маргинальности, и те, кого эта маргинальность и опасность будоражит и манит, провоцируя новые практики, ритуалы и визуальный контент. И надо сказать, в создании видео-контента сталкеров это один из основных сюжетов-экшен — встреча со странными и опасными персонажами, обитающими или пребывающими здесь.

Иногда сюда приходят посетители из регулярного социального пространства, специально ориентированные на встречу с маргиналами. С одной стороны, это благотворительные организации, которые приносят еду и вещи. С другой — шпана и отморозки, которые идут сюда чтобы найти и побить бомжей, если не хуже, пользуясь удаленностью от контролируемого пространства.

В этих опасных местах возникает также множество культурных практик, ориентированных на место и его свойства, и основанных на них литературных и визуальных текстов. Мотивы их возникновения разнообразны — от неистребимости мифологического сознания, интереса к сверхъестественному, желания испытать необычные ощущения, до намеренно создаваемых видео-фейков с целью подъема количества просмотров на YouTube.

КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ КАК “СМЫСЛЫ МЕСТА”

Мистические практики

Некоторые жители “регулярного пространства” городов посещают “заброшки” с целью проведения ритуалов, медитаций или поиска мистических переживаний. Флер “опасности” усиливается за счет городских легенд и предполагаемого “заселения” этих мест потусторонними силами — привидениями, зомби, мутантами.

Это идеальные локации, чтобы реализовать темные стороны мистического сознания с наименьшим риском для себя, вдали от уличных камер и правоохранительных органов — здесь совершают опасные ритуальные практики “клубы” сатанистов и представители других деструктивных культов. Например, «синонимом ХЗБ в свое время стал клуб “Немостор”, который называли самым многочисленным объединением сатанистов. По слухам, он располагался в одном из подвалов больницы и был известен своими ужасающими ритуалами. В районе Ховрино начали пропадать не только животные, но и люди, и их не находили ни живыми, ни мертвыми. Рассказывают, что, когда число пропавших стало больше 10, в ХЗБ наведася ОМОН (полиция действительно часто ловила там наркоманов и мелких преступников). Якобы в подвале состоялась настоящая битва правоохранительных органов и сатанистов и некоторые из них даже погибли. Эпоха “Немостора” закончилась, но выжившие слуги дьявола все еще устраивают там свои обряды»².

В большинстве заброшенных строений есть соответствующие граффити — сатанистские знаки и надписи. Насколько они связаны с реальными культами, сказать сложно, но они создают зловещую “ауру” места.

Происходит удвоение смыслов опасности через мистификации и референциальных значений “заброшек” как “портала в иные миры”, причем в миры всегда недружелюбные.

Городские исследователи (разведчики) и их активности

Множество секулярных культурных практик в заброшенных строениях обычно объединяют под названием Urbex (Urban Explorers), которое на русский язык переводится как “городские исследователи”, реже — “городские разведчики”. Сама этимология термина показывает связность с пространством города как целого. В русском языке используется также термин “сталкерство”, прижившийся после знакового фильма Андрея Тарковского “Сталкер” (1979), хотя он не соответствует его современному английскому аналогу, означающему преследование.

На базе практик проникновений в заброшенное пространство родился литературный жанр “индастриал хорор”, в русской культуре культовыми произведениями в этом стиле стали повесть братьев Стругацких “Пикник на обочине” (1972) и упомянутый фильм по ней “Сталкер”.

² Мемориалы суицидникам, сатанинская церковь и призраки: легенды Ховринской больницы. <https://super.ru/a/hzb> (дата обращения 24.03.2025).

Не менее интересна и вторичная повесть Кира Булычева “Спасите Галю!” (1990) — об опасном путешествии в “зону” бывшего завода игрушек. Подобные произведения, в свою очередь, провоцировали новый и более массовый интерес к проникновениям в запретные зоны. Появилась и постапокалиптическая фантастика как производная от специфики “заброшек” — практически самостоятельных, “ушедших в отрыв” культурных ландшафтов.

Важный сдвиг в практиках Urbex в последние десятилетия — уход от медитативного “исследования” и концентрация на “хакинге” или “взломе” и нарушении норм (Mott, Roberts, 2014). Участники таких практик (сталкеры, диггеры, городские исследователи) в последнее время документируют свои проникновения и находки через фотографии, видео или тексты, и выкладывают в интернет. Именно этот материал и становится эмпирической базой для исследования подобных культурных практик. Такого рода информационные материалы сыграли роль цемента в процессе институционализации практик в субкультуру — к началу XXI в. появились четкие правила поведения, дресс-коды, были проведены научные исследования (Deyo and Leibowitz, 2003; Lalonde, 2021; Ninjalicious, 2005), которые были написаны в жанре “путеводителей” и “руководства к действию”.

Внутри субкультуры также появилось коллекционирование “трофеев” и специфический рынок — где сами по себе вещи не представляют собой никакой ценности, важна их “аура”, связанная с локацией — наиболее востребованы предметы из легендарных заброшенных мест. Также ценятся предметы быта ушедшей эпохи, собранные в ранее жилых домах.

В этом контексте “заброшки” обретают смыслы “закрытого” и опасного пространства, провоцирующего своих исследователей на его взлом, на документирование этих проникновений, иногда с намеренным нагнетанием и сгущением эмоций.

Экстремальные виды спорта и игра

Масштабные “заброшки”, преимущественно бывшие промышленные объекты, используются для занятий паркур, скалолазанием, бейсджампингом и другими видами экстремальной физической активности. Использование пустого и опасного пространства для тренировок понятно — экстремальные виды спорта не приветствуются в регулярном социальном пространстве, а здесь — минимум контроля, хотя есть и опасности ненадежных конструкций, и опасности столкновения с маргиналами,

наркоманами и преступниками. Кроме того, полуразрушенные конструкции усложняют задачу для спортсменов, что само по себе является вызовом в подобных видах спорта.

В подобных локациях могут проводиться активности на основе сюжетов компьютерных игр или других, когда стрелялки и бродилки из виртуальной среды материализуются в такой же “нерегулярной”, неорганизованной и неконтролируемой обществом среде. Также есть свои сообщества и субкультуры, которые живут и самоорганизуются по своим правилам.

Получается, что в таком аспекте “заброшки” играют роль бесплатного полигона для оттачивания мастерства спортсменов, для актуализации игровых практик, перевода их из цифровой в физическую реальность.

Эстетика заброшенности и арт-практики

Заброшенные строения обладают своеобразной эстетической привлекательностью, которая вдохновляет современных фотохудожников. Эстетика запустения [Aesthetics of Decay (Trigg, 2006) или Ruin Porn (Bingham, 2020)] или “эстетика распада” (Trigg, 2006) имеет глубинные онтологические основания (Greco, 2012) — разрушение осмысливается как одна из стадий бытия, предшествующая реформатированию мира, либо как форма существования материи, равноправная с созиданием и развитием. “Наблюдение за беспрепятственным разрушением материала” (Garett and Hawkins, 2014, p. 5) является одной из важных побудительных мотивов визита в эти места. “Мерзость запустения” предстает как разворачивающееся в пространстве зрелище (Dobraszczyk, 2017).

Собственно красивая фотография для фотохудожников и “эстетизирующих” “городских разведчиков” становится важнее, чем само место (Fulton, 2017). Важность места, его опасности или инаковости уходит на второй план по сравнению с продуктом.

При этом существует два направления фотографии — “эстетика безобразного” и “красота распадающейся материи”.

Первое направление старается подметить и каким-то образом эстетизировать основные стигмы запустения — мусор, похабные граффити, обкуранные обитатели. Часто для этого используется черно-белый формат снимка.

Второе — стремится сделать красивые снимки. Полутона разрушающихся материалов, выцветшие краски стен, цветные пятна осыпающейся штукатурки — это все создает прекрасные условия для художественной цветной фотографии.

Кроме того, бесхозные стены опустевших построек становятся холстом и площадкой для художников, граффитистов, музыкантов и прочих “креативщиков”. Здесь создаются арт-объекты, проводятся перформансы и фотосессии. Надо отметить, что один из популярных трендов коммерческой фотографии — это фотосессии полуобнаженного или обнаженного женского тела на фоне облезших стен и полуразрушенных конструкций, своеобразная дихотомия гармоничной пластики красивого тела и разрушающейся материи.

Эстетика разрушения сочетается со свободой самовыражения и доступностью, “пустотой” пространства. Эта доступность, конечно, относительна, так как у наиболее “лакомых” для художников-граффитистов промышленных объектов иногда есть охрана, или всегда существует опасность повстречаться с маргинальными обитателями этих мест.

МОНЕТИЗАЦИЯ ИНТЕРЕСА К ЗАБРОШЕННЫМ СТРОЕНИЯМ

“Заброшки” превращаются в объекты коммерческого интереса, например, для съемок платных стримов на YouTube или рекламы.

Отдельный вид эксплуатации и получения прибыли от “пустых” пространств — туризм, в большинстве случаев нелегальный или полуправильный. Если организованный трюшобный туризм — в большинстве случаев легоален и безопасен, ибо в странах глобального Юга существует по соглашению с местной полицией и мафией, которые за деньги гарантируют неприкосновенность любопытствующим, то в заброшенных строениях сложно найти “хозяина”, который со стороны теневых организаций будет обеспечивать безопасность и защиту от нежелательных столкновений. Даже если и найдется кто-то, объявивший себя “хозяином”, среда от этого не станет подконтрольной, в ней нет той жесткой криминальной иерархии, присущей социуму трюшоб. “Пустое” пространство никому не принадлежит, и потому оно всегда место обитания и/или деятельности разных людей и групп, где никто никого не контролирует.

Тем не менее в большинстве крупных городов существуют частные гиды, или компании, которые не афишируют, но осуществляют подобные экскурсии.

Таким образом “заброшки” становятся местом привлечения из регулярного социального пространства не только представителей специфических субкультур, но и обычных людей, которые за деньги с проводником проникают в опасное пространство единожды, ради разового удовлетворения любопытства.

РЕВИТАЛИЗАЦИЯ “ЗАБРОШЕК”

Помимо одиночных исследователей и малых групп, проникающих на заброшенные территории, сюда начинают распространяться неформальные массовые мероприятия, например, рейв-вечеринки, концерты и фестивали. Движущей силой подобных “выплесков” массовой культуры в маргинальные пространства, с одной стороны, является желание уйти от коммерциализированных пространств, поиск свободы и альтернативных форм досуга, с другой — использование специфического антуража для нагнетания эмоций и создания нужного организаторам “вайба”.

В последние годы заброшенные строения рассматриваются и как объекты, пригодные для нового включения их в регулярный социум в другом функциональном качестве. Примером могут служить реализованные проекты по превращению заброшенных фабрик в культурные центры или музеи, сквоты, арт-резиденции, общественные мастерские. Желание реанимировать пространство, придать ему новую функцию во многом определяется географией города — наибольшая вероятность ре-витализации — для тех объектов, которые находятся в доступных районах или в районах, целиком попавших в какую-нибудь программу по реструктуризации городского ландшафта.

И выпавшие объекты заново возвращаются в лоно регулярного социального пространства города, память об их бывшей “опасности” становится своеобразным флером на ауре этих мест, уже вполне адаптированных в новую жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Заброшенные здания представляют собой уникальные пространства, где пересекаются различные культурные практики. Они становятся местом для самовыражения, исследований, творчества и социальных инициатив. Эти практики отражают как индивидуальные, так и коллективные потребности, а также стремление к свободе, исследованию и переосмыслению городского пространства. Такие активности могут быть связаны с рисками (разрушение зданий, опасность для здоровья), а также с вопросами легальности и соприкосновения с маргинальной средой.

“Заброшки” оказываются накрепко встроенными в городской культурный ландшафт, его структуру. С ними связан широкий спектр культурных практик, которые, формируют их смыслы. Это стигмы города, которые становятся все более проницаемыми и репрезентированными благодаря практике видео и фото-до-

кументирования, что создает дополнительный образно-смысловой пласт. В обыденном сознании подобные объекты все чаще воспринимаются не как проблема, а как зрелище и интерактивный перформанс. Интерактивность может быть разной — от реализации своей агрессии за счет социально незащищенных людей до испытания судьбы в потенциально опасной среде, от панибратства до благотворительности.

Информация, передаваемая через визуальные образы, помимо проблем, отражает особенности семантической структуры культурных ландшафтов. Формируется визуальная эпистемология небезопасного, странного, “иногo” городского пространства. Этот “эпистемологический фон” становится необходимой основой, с помощью которой возможно трактовать и как гипервизуальность и как социальную невидимость — социальные проблемы, по сути, частично перемещаются из сферы обсуждения их причин и путей их решения в плоскость наблюдения и фото- и видеофиксации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большаков В.П.* Культурные практики в процессах становления культуры // Вестн. СПбГИК. 2016. № 2 (27). <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-praktiki-v-protsessah-stanovleniya-kultury> (дата обращения 02.02.2025).
- Гречко М.* Другая сторона Москвы. Столица в тайнах, мифах и загадках. М.: АСТ, 2012. 411 с.
- Грибер Ю.А.* Человек и цвет: колористика культурного ландшафта // Человек. 2024. Т. 35. № 6. С. 108–123. <https://doi.org/10.31857/S0236200724060078>
- Зиммель Г.* Большие города и духовная жизнь // Логос. 2002. № 3 (34). С. 1–12.
- Лефевр А.* Производство пространства. М.: Strelka Press, 2015. 432 с.
- Семёнов-Тян-Шанский В.П.* Район и страна. М.—Л.: Гос. изд-во, 1928. 311 с.
- Тютюнник Ю.Г.* Заводские руины как форма индустриального наследия // Индустриальное наследие как ресурс для развития. Варианты стратегий. 300+: матер. Всерос. науч.-практич. конф. с междунаро. уч., 3–4 декабря 2020 г. Нижний Тагил: Нижнетагильский музей-заповедник “Горнозаводской Урал”, 2020. С. 181–185.
- Тютюнник Ю.* Руины и ландшафт // Проблемы на географията. Problems of geography. № 3–4. София, 2022. С. 45–67. <https://doi.org/10.35101/prg-2022.3-4.4>
- Фуко М.* Другие пространства // Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. М.: Праксис, 2006. Ч. 3. С. 215–236.
- Харви Д.* Социальная справедливость и город. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 520 с.
- Шенле А.* Апология руины в философии истории: провиденциализм и его распад // НЛЮ. 2009. № 1. <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/apologiya-ruiny-v-filosofii-istorii-providencializm-i-ego-raspad.html> (дата обращения 24.04.2005).
- Bingham K.P.* An Ethnography of Urban Exploration, Leisure Studies in a Global Era. London: Palgrave Macmillan Cham, 2020. 280 p. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-56251-9>
- Debord G.* Introduction to a Critique of Urban Geography (K. Knabb, Trans.). In: Critical Geographies: A Collection / H. Bauder, S. Engel-Di Mauro (Eds.). Kelowna: Praxis, 1955. P. 23–27.
- DeSilvey C.* Curated Decay: Heritage Beyond Saving. Minneapolis: Univ. of Minnesota, 2017. 240 p.
- Deyo L.B., Leibowitz D.* Invisible Frontier: Exploring the Tunnels, Ruins and Rooftops of Hidden New York. Texas: Three Rivers Press, 2003. 240 p.
- Dobraszczyk P.* The Dead City: Urban Ruins and the Spectacle of Decay. London: I.B. Tauris, 2017. 304 p.
- Edensor T.* The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory // Excessive Space. Environ. and Planning D: Society and Space. 2005a. № 23. P. 829–849.
- Edensor T.* Industrial Ruins: Space, Aesthetics and Materiality. Oxford: Berg, 2005b. 208 p.
- Edensor T.* Sensing the Ruin // Senses & Society. 2007. № 2 (2). P. 217–232.
- Edensor T., Evans B., Holloway J., Millington S., Binnie J.* Playing in Industrial Ruins: Interrogating Teleological Understandings of Play. In: Urban Wildscapes / A. Jorgensen, R. Keenan (Eds.). London: Routledge, 2012. P. 65–79.
- Fassi A.* Industrial Ruins, Urban Exploring, and the Postindustrial Picturesque // CR: The New Centennial Review. 2010. № 10 (1). P. 141–152.
- Fraser E.* Urban exploration as adventure tourism. Journeying beyond the everyday // Liminal Landscapes: Travel, Experience and Spaces In-between. London: Routledge, 2012. P. 136–151.
- Fulton C.* Urban exploration: Secrecy and information creation and sharing in a hobby context // Library and Information Science Res. 2017. № 39. P. 189–198.
- Garrett B., Hawkins H.* And Now for Something Completely Different... Thinking Through Explorer Subject-Bodies: A Response to Mott and Roberts // Antipode Discussion Paper, 11 November 2013. <http://antipodefoundation.org/2013/11/18/critical-dialogue-urban-exploration-subject-bodies-and-the-politics-of-difference/> (дата обращения 24.03.2024).

- Greco J.* The Psychology of Ruin Porn. CityLab. Retrieved April 14, 2015. www.citylab.com/design/2012/01/psychology-ruin-porn/886 (дата обращения 24.03.2025).
- Kindynis T.* Urban Exploration: From Subterranea to Spectacle // *British J. Criminology*. 2017. № 57 (4). P. 982–1001.
- Kindynis T.* Urban exploration as deviant leisure. In: *Deviant Leisure* / T. Raymen, O. Smith (Eds.). London: Palgrave Macmillan, 2019. P. 379–401. https://doi.org/10.1007/978-3-030-17736-2_17
- Lalonde M.* It's too Clean to be Abandoned. An entry level guide to Urban Exploring and a story of how Ontario Abandoned Places began. Burlington: Talking Walls Photography, 2021. 172 p.
- Lavrenova O.* Color Semantics of the Cultural Landscape // *Arts*. 2023. № 12. P. 1–20. <https://doi.org/10.3390/arts12030111>
- Lesné R.* “Urbex and Urban Space”: A Systematic Literature Review and Bibliometric Analysis // *Int. J. Soc. Leis*. 2022. № 5. P. 425–443. <https://doi.org/10.1007/s41978-022-00120-y>
- Mott C., Roberts S.* Not Everyone Has (the) Balls: Urban Exploration and the Persistence of Masculinist Geography // *Antipode*. 2014. № 46 (1). P. 229–245.
- Mould O.* Urban Subversion and the Creative City. Abingdon, Oxon: Routledge, 2015. 2018 p.
- Ninjalicious (Chapman J.)* Access all areas: a user's guide to the art of urban exploration. Infilpress, 2005. 242 p.
- Rowdower Z.* Fresh Rot: Urban Exploration and the Preservation of Decay // *J. Univ. Manitoba Archaeol.* 2011. № 29. P. 1–15.
- Soederberg S.* Governing stigmatised space: the case of the ‘slums’ of Berlin-Neukölln // *New Polit. Econ.* 2017. Vol. 22. № 5. P. 478–495. <https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1240671>
- Trigg D.* The Aesthetics of Decay: Nothingness, Nostalgia, and the Absence of Reason. NY: Peter Lang, 2006. 265 p.

Abandoned Buildings in the Cultural Landscape of the City: Meanings and Practices

O. A. Lavrenova *

INION RAS, Moscow, Russia

*e-mail: olgalavr@mail.ru

Abandoned buildings (“abandonments”) as elements of the cultural landscape are the objects with a special semantic status that carry traces of memory of their former functionality, and of the social changes that shaped these “frozen” places. “Abandonments” act as markers of social problems and transformations. They become places of collective nostalgia and alternative historicity, opposed to the official narrative. The article examines the meanings of abandoned buildings in the existence and structure of the cultural landscape, due to new cultural practices that arise around abandoned buildings spontaneously or in an organized manner. Their study allows for a deeper understanding of the role of “dangerous” spaces in culture and the possibility of their legal re-integration into society. An analysis of the types of cultural practices in abandoned buildings allows us to identify several key areas reflecting trends and drifts in the structure of the modern cultural landscape. Informal ways of interacting with abandoned spaces are considered: from the urban explorers’ movement (Urbex), mystical cults, street art to temporary cultural initiatives (festivals, performances). Abandoned buildings are dynamic objects in which the memory of their former functionality, the creative self–organization of cultural groups and social conflicts intersect. They have an ontological duality—the meanings of dying and oblivion, and a growth point for the formation of specific subcultures.

Keywords: abandoned buildings, cultural landscape, inhabited and abandoned space, cultural practices, meanings of place, urban explorers (Urbex), revitalization

REFERENCES

- Bingham K.P. *An Ethnography of Urban Exploration, Leisure Studies in a Global Era*. London: Palgrave Macmillan Cham, 2020. 280 p.
<https://doi.org/10.1007/978-3-030-56251-9>
- Bol'shakov V.P. Cultural practices in the processes of culture formation. *Vestn. SPbGIK*, 2016, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kulturnye-praktiki-v-protsessah-stanovleniya-kultury> (accessed: 02.02.2025). (In Russ.).
- Griber Yu.A. Man and Color: the Coloristics of the Cultural Landscape. *Chelovek*, 2024, vol. 35, no. 6, pp. 108–123. (In Russ.).
<https://doi.org/10.31857/S0236200724060078>
- Debord G. Introduction to a Critique of Urban Geography (K. Knabb, Trans.). In *Critical Geographies: A Collection*. Bauder H., Engel-Di M.S., Eds. Kelowna: Praxis, 1955, pp. 23–27.
- DeSilvey C. *Curated Decay: Heritage Beyond Saving*. Minneapolis: University of Minnesota, 2017. 240 p.
- Deyo L.B., Leibowitz D. *Invisible Frontier: Exploring the Tunnels, Ruins and Rooftops of Hidden New York*. Texas: Three Rivers Press, 2003. 240 p.
- Dobraszczyk P. *The Dead City: Urban Ruins and the Spectacle of Decay*. London: I.B. Tauris, 2017. 304 p.
- Edensor T. The Ghosts of Industrial Ruins: Ordering and Disordering Memory. Excessive Space. *Environ. Plan. D: Soc. Space*, 2005a, vol. 23, pp. 829–849.
- Edensor T. *Industrial Ruins: Space, Aesthetics and Materiality*. Oxford: Berg, 2005b. 208 p.
- Edensor T. Sensing the Ruin. *Senses Soc.*, 2007, vol. 2, no. 2, pp. 217–232.
- Edensor T., Evans B., Holloway J., Millington S., & Binnie J. Playing in Industrial Ruins: Interrogating Teleological Understandings of Play. In *Urban Wildscapes*. Jorgensen A. & Keenan R., Eds. London: Routledge, 2012, pp. 65–79.
- Fassi A. Industrial Ruins, Urban Exploring, and the Postindustrial Picturesque. *CR: New Centen. Rev.*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 141–152.
- Foucault M. Other spaces. In *Intellektualy i vlast': Izbrannyye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yuy* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews]. Moscow: Praxis Publ., 2006, vol. 3, pp. 215–236. (In Russ.).
- Fraser E. Urban exploration as adventure tourism. Journeying beyond the everyday. In *Liminal Landscapes: Travel, Experience and Spaces In-between*. Andrews H, Roberts L., Eds. London: Routledge, 2012, pp. 136–151.
- Fulton C. Urban exploration: Secrecy and information creation and sharing in a hobby context. *Library and Information Sci. Res.*, 2017, no. 39, pp. 189–198.
- Garrett B., Hawkins H. And Now for Something Completely Different... Thinking Through Explorer Subject-Bodies: A Response to Mott and Roberts. *Antipode Discussion Paper*, 11 November 2013. Available at: <http://antipodefoundation.org/2013/11/18/critical-dialogue-urban-exploration-subject-bodies-and-the-politics-of-difference/> (accessed: 24.03.2024).
- Grechko M. *Drugaya storona Moskvy. Stolista v tainakh, mifakh i zagadkakh* [The Other Side of Moscow. The Capital in Secrets, Myths and Riddles]. Moscow: AST Publ., 2012. 411 p.
- Greco J. The Psychology of Ruin Porn. CityLab. Retrieved April 14, 2015, from Available at: www.citylab.com/design/2012/01/psychology-ruin-porn/886/ (accessed: 24.03.2025).
- Harvey D. *Sotsial'naya spravedlivost' i gorod* [Social Justice and the City]. Moscow: NLO Publ., 2018. 520 p.
- Kindynis T. Urban Exploration: From Subterranea to Spectacle. *British J. Criminol.*, 2017, vol. 57, no. 4, pp. 982–1001.
- Kindynis T. Urban exploration as deviant leisure. In *Deviant Leisure*. Raymen T., Smith O., Eds. London: Palgrave Macmillan, 2019, pp. 379–401.
https://doi.org/10.1007/978-3-030-17736-2_17
- Lalonde M. *It's too Clean to be Abandoned. An entry level guide to Urban Exploring and a story of how Ontario Abandoned Places began*. Burlington: Talking Walls Photography, 2021. 172 p.
- Lavrenova O. Color Semantics of the Cultural Landscape. *Arts*, 2023, no. 12, pp. 1–20.
<https://doi.org/10.3390/arts12030111>
- Lefevr A. *Proizvodstvo prostranstva* [Production of Space]. Moscow: Strelka Press, 2015. 432 p.
- Lesné R. “Urbex and Urban Space”: A Systematic Literature Review and Bibliometric Analysis. *Int. J. Sociol. Leis.*, 2022, no. 5, pp. 425–443.
<https://doi.org/10.1007/s41978-022-00120-y>
- Mott C., Roberts S. Not Everyone Has (the) Balls: Urban Exploration and the Persistence of Masculinist Geography. *Antipode*, 2014, vol. 46, no. 1, pp. 229–245.
- Mould O. *Urban Subversion and the Creative City*. London: Routledge, 2015. 2018 p.
- Ninjalicious (Chapman J.) *Access all areas: a user's guide to the art of urban exploration*. Infilpress, 2005. 242 p.
- Rowdower Z. Fresh Rot: Urban Exploration and the Preservation of Decay. *J. Univ. Manitoba Archaeol.*, 2011, vol. 29, pp. 1–15.
- Schoenle A. Apologia ruins in the Philosophy of History: Providentialism and its Disintegration. *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, 2009, no. 1, pp. 24–38. Available at: <https://magazines.gorky.media/nlo/2009/1/apologiya-ruiny-v-filosofii-istorii-provi->

- denczializm-i-ego-raspad.html (accessed: 24.03.2025). (In Russ.).
- Semenov-Tyan-Shansky V.P. *Raion i strana* [The District and the Country]. Moscow—Leningrad: Gos. Izd-vo, 1928. 311 p. (In Russ.).
- Simmel G. Big cities and spiritual life. *Logos*, no. 3, 2002, pp. 1–12. (In Russ.).
- Soederberg S. Governing stigmatised space: the case of the ‘slums’ of Berlin-Neukölln. *New Polit. Econ.*, 2017, vol. 22, no. 5, pp. 478–495.
<https://doi.org/10.1080/13563467.2017.1240671>
- Trigg D. *The Aesthetics of Decay: Nothingness, Nostalgia, and the Absence of Reason*. New York: Peter Lang, 2006. 265 p.
- Tyutyunnik Yu.G. Factory ruins as a form of industrial heritage. In *Industrial'noe nasledie kak resurs dlya razvitiya. Varianty strategii. 300+: materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Industrial Heritage as a Resource for Development. 300+ Strategy Options: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. December 3–4, 2020. Nizhnii Tagil: Nizhnetagil'skii muzei-zapovednik “Gornozavodskoi Ural”, 2020, pp. 181–185. (In Russ.).
- Tyutyunnik Yu. Ruins and landscape. *Problemi na geografiyata*, no. 3–4. Sofiya: 2022, pp. 45–67. (In Russ.).
<https://doi.org/10.35101/prg-2022.3-4.4>